

—

XVII.

День рождения императора Цзяньчжао приходился на пятый день десятого месяца. Время инея (Шуанцзян) только что миновало, и природа замерла на пороге между осенью и зимой. Свистел северный ветер; даже в самых пышных покоях императорского дворца он то и дело кружил и с шорохом бросал на землю сухие желтые листья.

Се Сюань плотнее запахнул плащ и вышел из кареты. Перед тем как войти в дворцовые ворота, он поднял голову к небу, затянутому тяжелыми тучами, и тихо улыбнулся:

— Похоже, назревает настоящая буря!

Как и всегда, встречавшиеся по пути чиновники радушно приветствовали его, и Се Сюань вежливо кивал каждому в ответ. Вскоре процессия достигла зала Вэньхуа — места, где должен был состояться праздничный банкет.

Первый принц Се Хун прибыл как раз в это же время. За последние два месяца, видя, что Се Сюань и император окончательно рассорились, Се Хун успел извлечь немало выгоды и вновь заметно приободрился. Завидев Се Сюаня, он вернул себе былое высокомерие.

Се Сюань не собирался с ним спорить; он лишь кивнул и прошел к своему месту. Вскоре снаружи послышалось оживление: прибыл император Цзяньчжао в сопровождении наложниц.

Поскольку сегодня был день рождения государя, перед официальным началом пира придворные историографы достали свиток и громко зачитали его перед всеми присутствующими. В нем перечислялись достижения императора за прошедший год — удобный случай, чтобы еще раз продемонстрировать его величие. Лишь после этого зазвучала музыка, начались танцы и открылся банкет.

Однако сегодня каждый из присутствующих был возбужден больше обычного. Никто толком не притрагивался к еде — все ждали того самого судьбоносного объявления.

Когда первая смена блюд подошла к концу, император Цзяньчжао наконец заговорил:

— Полагаю, все вы знаете: два месяца назад я обещал, что именно в этот день объявлю имя наследника престола.

При этих словах все в зале вздрогнули, но тут же рассыпались в льстивых возгласах:

— Ваше Величество в расцвете сил, нет нужды так спешить!

Император покачал головой:

— Я лучше всех знаю состояние своего здоровья. Наследник — это основа государства. Чем раньше он будет назначен, тем спокойнее будет мне и тем увереннее будете чувствовать себя вы.

Придворным оставалось лишь выкрикивать:

— Мудрость Вашего Величества безгранична!

В этот момент император подал знак Ван Чэнъину. Из бокового пала выбежал маленький евнух, неся в руках шкатулку императорского желтого цвета. Дыхание присутствующих перехватило — внутри лежал указ о назначении наследного принца.

Но именно в эту секунду наложница Лу внезапно поднялась со своего места:

— Ваше Величество, у меня есть доклад.

Присутствующие переглянулись. Назначение наследника — дело государственное, и внутренний гарем не должен в него вмешиваться. Но поскольку сегодня был день рождения императора, наложницы присутствовали на торжестве.

Лицо императора Цзяньчжао потемнело, он холодно бросил:

— Я обсуждаю дела великой важности, немедленно удались!

Однако наложница Лу стояла на коленях прямо и твердо, не желая отступить ни на шаг:

— То, о чем я хочу доложить, хоть и касается дел гарема, имеет прямое отношение к судьбе империи. Я обвиняю наложницу Ли из дворца Фэйхун в том, что она осквернила императорскую кровь, выдав чужое отродье за наследника дракона. Если Ваше Величество закроет на это глаза, не получится ли так, что в будущем вы отдадите наши бескрайние земли в руки чужака?

Эти слова прозвучали подобно грому. Дыхание всех присутствующих в зале участилось. Император Цзяньчжао даже вскочил с трона, глядя на наложницу Лу так, будто хотел растерзать её на месте:

— Презренная женщина, что ты несешь?!

Министры были поражены еще сильнее. В их глазах благородная наложница Лу всегда была «роковой красавицей», лисицей-оборотнем, опутавшей государя чарами и подрывающей устои власти. Но судя по тому, в какой ярости сейчас пребывал император, всё оказалось совсем не так...

Благородная наложница Лу смотрела на императора — на этого мужчину, который наконец-то сбросил маску и показал свой звериный оскал, и холодно усмехнулась:

— Наложница Ли из дворца Фэйхун двадцать лет назад была святой девой, присланной из Наньчжао в дар Великой Лян. Она также была наложницей покойного наследного принца Личэна. В сентябре первого года правления под девизом Цзяньчжао наследный принц Личэн скончался, находясь под домашним арестом в своем поместье.

— Изначально считалось, что Ваше Величество, из глубокой любви к брату, оставил его наложницу и нерожденное дитя во дворце — это сочли бы актом милосердия. Однако Четвертый принц Се Хуань родился в августе второго года Цзяньчжао. К тому времени принц Личэн был мертв уже почти год. Это ясно доказывает, что Се Хуань — не чистой крови и не принадлежит к императорскому роду.

— Если только Ваше Величество не признает, что спустя всего два месяца после смерти брата, когда его кости еще не остыли, вы силой овладели его вдовой... Только в этом случае дитя в утробе наложницы Ли можно было бы считать императорским семенем. В противном случае — хе-хе...

— О-о-ох!..

После этих слов зал Вэньхуа мгновенно превратился в котел с кипящей водой. Обсуждения вспыхивали волна за волной, гул голосов было невозможно унять. Министры беспрестанно перешептывались:

— Как... как такое возможно?

— Наложница Ли была наложницей принца Личэна?

— Получается, теперь это касается самого императора...

Император Цзяньчжао свирепо смотрел на наложницу Лу, краем глаза следя за выражением лица Се Сюаня.

«Хорошо, очень хорошо. Они действительно всё разузнали. И действительно осмелились заявить об этом прямо здесь».

Однако император лишь холодно рассмеялся:

— Безумная женщина, что за вздор ты несешь? Вижу, ты совсем лишилась рассудка. С чего ты взяла, что наложница Ли была наложницей принца Личэна? Наложница Ли — простая служанка из дворца. Она подорвала здоровье, когда рожала Хуань-эра, поэтому почти не показывается людям. Я прикажу немедленно привести её сюда для опознания.

Благородная наложница Лу вскинула брови и с легкой усмешкой взглянула на него:

— Раз уж я решилась сказать это сегодня, неужели вы думаете, что я не предусмотрела такой ход? Та, кто сейчас находится во дворце Фэйхун — вовсе не наложница Ли. Это лишь подставное лицо, которое Ваше Величество нашли неизвестно где.

Лицо императора Цзяньчжао стало мрачнее тучи. Он взмахнул рукой, подзывая стражу:

— Я сказал, а ты не веришь. Зная, что сегодня я назначаю наследника, ты намеренно разыгрываешь безумие. Видимо, я действительно слишком баловал тебя. Стража! Схватить наложницу Лу и запереть её, разберемся позже!

— Я посмотрю, кто посмеет! — раздался громкий голос.

Се Сюань внезапно вскочил со своего места. Его ледяной, пронзительный взгляд полоснул по замершим вокруг стражникам, а голос зазвучал с беспощадной резкостью.

Император Цзяньчжао, глядя на эту парочку — мать и сына, — лишь холодно усмехнулся:

— Хорошо. Очень хорошо. Значит, сегодня вы решили открыто поднять мятеж?

Се Сюань ответил ему таким же ледяным смехом:

— Мятеж? Отец, вы сами шаг за шагом загоняли меня в угол. Разве не этого дня вы ждали? Вы мечтали, чтобы я первым пошел против закона, дабы у вас появился законный повод раздавить меня и расчистить путь к трону для вашего драгоценного Се Хуаня!

Император не ожидал, что его замыслы были разгаданы столь давно и точно. Но если Се Сюань всё знал, откуда в нем такая уверенность сегодня?

«Невозможно, — пронеслось в голове императора. — И столичные гарнизоны, и гвардия Юйлинь — всё в моих руках. Какую бурю он надеется поднять?»

Лицо императора на мгновение дрогнуло, но он не собирался ничего признавать:

— О чем ты бредишь? С чего бы мне, императору, толкать собственного сына на измену?

Се Хуань тоже вскочил и яростно закричал на брата:

— Ты сам погряз в нечестии! Не выказал ни капли почтения к отцу, возжелал трон и только что вместе с матерью состряпал нелепицу о моем происхождении! А теперь еще и смеешь перекладывать вину за свой бунт на плечи императора? Се Сюань, в тебе нет ни грамма мужества отвечать за свои поступки!

Се Сюань лишь легко рассмеялся, глядя в лицо брату.

— Нет мужества? Что ж, тут мне за тобой не угнаться, Четвертый брат.

— В деле о жертвоприношении это ведь ты хотел очернить мое имя, подстроив обрушение ритуальной колонны. Но мне повезло выжить, твой заговор сорвался, и нашему доброму отцу пришлось прикладывать невероятные усилия, чтобы прибрать за тобой, свалив всё на японских пиратов.

— В деле о тигре на стрельбище ты снова пытался погубить меня или хотя бы испытать. И снова я чудом уцелел, а наш добрый отец в очередной раз подчищал за тобой хвосты, выставив виноватыми степных кочевников.

— Таких случаев — не счесть. Четвертый брат, когда слова об отсутствии мужества звучат из твоих уст, в них нет ни капли правды, способной убедить хоть кого-то.

В зале воцарилась тяжелая тишина. Лица министров, даже Первого и Второго принцев, исказились от шока.

Неужели такова была истина? Когда император вел расследования с таким шумом и рвением, все думали, что он делает это из любви и заботы о Се Сюане.

Из-за покушения на жертвоприношении Первый принц лишился влияния в столичных лагерях; из-за случая с тигром Второй принц и вовсе лишился глаза. Оба они до глубины души ненавидели Се Сюаня, не подозревая, что за их спинами «богомол охотился на цикаду, а сзади подкрадывалась иволга».

Сердца двух принцев переполнила горечь. Если всё это правда, то отец был заведомо несправедлив, заставляя троих сыновей терзать друг друга лишь для того, чтобы в тайне прокладывать путь Се Хуаню.

Они одновременно посмотрели на императора Цзяньчжао, и их голоса задрожали:

— Отец... то, что сказал Шестой брат — правда?

Лицо императора Цзяньчжао резко переменилось. Он гневно выплюнул:

— Вы двое тоже решили последовать за этим нечестивцем и смеее сомневаться во мне? Допрашивать меня?!

Се Сюань холодно усмехнулся:

— Если не хотите, чтобы мы сомневались, отец, вы можете просто дать клятву перед всеми чинами. Поклянитесь, что никогда не назначите Се Хуаня наследником и не доверите ему империю. В конце концов, из четырех присутствующих здесь сыновей, если не считать Второго брата, которому недуг не позволяет править, любой будет лучше этого безродного и подлого ничтожества.

При этих словах глаза Се Хуна вспыхнули надеждой, и он тут же подхватил:

— Верно! Отец, дайте клятву!

Се Куань выглядел не лучше, но и он добавил:

— Это всего лишь пара слов, отец. Это очень просто.

Се Хуань побледнел. Неужели они все против него...

Император Цзяньчжао с мрачной решимостью смотрел на троих сыновей:

— Вы, неблагодарные дети, смеете оказывать на меня такое давление? Если я сегодня поддамся вашим угрозам, как я смогу управлять Поднебесной в будущем?

Се Сюань небрежно выхватил саблю у стоящего рядом стражника и начал медленно водить острием по полу, высекая тихий скрежет. Он поднял на императора взгляд, в глубине которого затаилась тьма:

— Отец, бросьте эти напыщенные речи. После всех покушений и «несчастных случаев», через которые я прошел, неужели вы думаете, что меня еще можно напугать словами? Отец, вы хоть понимаете, как это страшно — когда на твою голову рухнет тяжеленная ритуальная колонна?

— Вы знаете, какой ужас сковывает сердце, когда в лицо прыгает огромный тигр? Как иронично... В тот миг я первым делом бросился к вам, желая спасти. А вы, отец? Вы ведь наверняка втайне посмеивались в тот момент?

Эти слова заставили всех присутствующих вернуться памятью в ту ночь. Действительно, Шестой принц всегда был образцом сыновней почтительности. И в такой смертный час он думал о родителе... Кто же знал, что всё было так...

В глазах многих промелькнуло сочувствие.

Император Цзяньчжао, видя перемену в лицах людей, понял, что Се Сюань ударил по самому больному. Он взял себя в руки:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Но даже если так, это не может быть оправданием для мятежа против своего императора.

Се Сюань ледяно рассмеялся:

— Значит, мне следовало просто покорно ждать смерти? Хм, тогда я скажу вам: я не из таких людей. Если меня ударят по щеке, я обязательно отвечу двойным ударом.

Император пробасил:

— Значит, ты поднимаешь мятеж?

Се Сюань кивнул без малейшего колебания:

— Да.

Император Цзяньчжао тоже кивнул:

— Хорошо. Раз ты признался — тем лучше. Согласно законам Великой Лян, мятеж — тягчайшее преступление, наказание за которое не избежать даже принцам по крови. Стража! Взять Шестого принца Се Сюаня и наложницу Лу и отправить в тюрьму Министерства наказаний!

Услышав приказ, гвардейцы императора уже приготовились действовать. Но в это самое мгновение их же товарищи, стоявшие бок о бок с ними, внезапно развернули клинки и нанесли удар в спину. Те, кто собирался схватить принца, замертво рухнули на пол.

По залу мгновенно разлился тяжелый, металлический запах крови. Из рядов стражи Юйлинь вышел человек и поклонился Се Сюаню:

— Ваше Высочество, все предатели устранены.

Се Сюань кивнул.

Император Цзяньчжао смотрел на это, не меняясь в лице. Он лишь пробормотал:

— Оказывается, среди моей гвардии были твои люди.

Се Сюань вскинул бровь:

— А как иначе? Неужели вы думали, отец, что я пойду на это, полагаясь лишь на одну отвагу? Гвардия годами была под вашим началом, но ведь начальный отбор в неё проводит Управление столичных гарнизонов. Перед осенью в гвардию как раз зачислили пополнение — разве не идеальный момент, чтобы заменить нужных людей?

Однако император не выглядел разгневанным. Напротив, на его лице заиграла самодовольная, торжествующая мина:

— Раз ты знал, что сегодня я готовлю для тебя ловушку, неужели ты думал, что у меня нет ничего, кроме гвардейцев? Ха-ха! Тридцать тысяч воинов столичного гарнизона уже наверняка стоят у ворот дворца!

— Ты, твоя мать, эти мятежные чиновники, что давят на меня, и эти предатели-гвардейцы — через час ни один из вас не останется в живых.

В ответ Се Сюань тоже негромко рассмеялся:

— Отец, раз уж я знал о вашей засаде и всё же осмелился явиться во дворец... Неужели вы думаете, что у меня в распоряжении лишь горстка людей в гвардии?

Лицо императора Цзяньчжао дрогнуло:

— Что ты имеешь в виду?

Министры же в этот момент лишь раздраженно хмурились, чувствуя себя запертыми в бесконечной игре «матрешек», которую затеяли отец и сын.

«Выкладывайте уже всё на чистоту! К чему эти игры, по капле в час — только раздражение вызывают. Заканчивайте поскорее, чтобы честные люди могли уже выбрать сторону!» — казалось, эта мысль витала в умах всех присутствующих.

В этот момент Се Сюань поднял голову и посмотрел на Гу Сьюаня, стоявшего по правую руку от императора Цзяньчжао. С лукавой улыбкой он спросил:

— Ты ходил в столичный лагерь собирать войска?

Гу Сьюань кивнул:

— Разумеется. В императорской гвардии почти десять тысяч человек. Гуань Чжои со множеством воинов уже ждет снаружи зала. Стоит Его Величеству отдать приказ, и они ворвутся. Твоя горстка людей, затесавшаяся в гвардию, — какой от неё прок?

Се Сюань кивнул, словно капризно протянув:

— Твои дела, конечно, всегда самые надежные.

Император Цзяньчжао наблюдал за их коротким обменом фразами. Несмотря на привычно холодное лицо Гу Сьюаня, государь уловил в его тоне некую... покровительственную нежность.

Эти двое...

Он уставился на Гу Сьюаня:

— Ты... ты предал меня?!

Облик Гу Сьюаня остался бесстрастным, а голос прозвучал отчужденно:

— Мать этого смиренного генерала рано ушла из жизни. После того как отец взял мачеху, он стал во всём потакать младшему брату. Потому я с детства более всего ненавижу предвзятых родителей. Но даже пристрастность моего отца не идет ни в какое сравнение с вашей, Ваше Величество.

— Император способен раз за разом объединяться с одним сыном, чтобы губить другого... Всякий раз, видя Шестого принца, я невольно вспоминаю свое трудное детство.

— Посему, это не предательство. Я лишь следую зову сердца. Ваше Величество как человек недостойны быть отцом, недостойны быть правителем и уж тем более не можете служить примером нравственности для народа. Сегодня здесь я смиренно прошу Ваше Величество отречься от престола в пользу достойного!

Увидев этот резкий поворот, придворные в зале первым делом мысленно воскликнули: «Вот же черт! Да вы все мастера актерской игры!»

Вслед за этим группа чиновников, принадлежавших к крылу Се Сюаня, вышла вперед и, склонившись в поклоне, хором произнесла:

— Просим Ваше Величество отречься в пользу достойного! Просим Ваше Величество отречься в пользу достойного!

— Отречься в пользу достойного? Вы требуете, чтобы я отрекся? — император Цзяньчжао смаковал каждое слово, бессильно оседая на троне.

Он и представить не мог, что Се Сюань забил столь мощный гвоздь прямо подле него, нанеся смертельный удар в самый критический момент. Его взгляд медленно перемещался с Гу Сююаня на коленопреклоненных министров. Император издал серию сухих смешков и, наконец, посмотрел на Се Сюаня:

— В пользу достойного? В пользу тебя?

Се Сюань кивнул с достоинством:

— Да.

Император покачал головой в отказе:

— Ты грезишь наяву!

Гу Сююань посмотрел на императора и спокойно спросил:

— Ваше Величество столь непреклонны... Неужели вы ждете, что Гуань Чжой ворвется в зал, схватит нас как заложников, а затем вы своей рукой подпишете указ столичному войску отступить?

Лицо императора дрогнуло. Именно на это он и рассчитывал. Победитель всегда прав, а проигравший — изменник; столичные войска поддержали бы мятеж Гу Сююаня лишь ради баснословных выгод. Но если сам Гу Сююань будет схвачен, выгоды испарятся — зачем тогда армии продолжать бунт?

На суровом лице Гу Сююаня промелькнуло подобие улыбки:

— Ваше Величество, неужели вы никогда не видели, как я убиваю? Как вы думаете, далеко ли я сейчас от вас? Шаг или два? Еще неизвестно, кто первым станет тенью под моим мечом.

Император Цзяньчжао побледнел. Он настолько привык, что Гу Сююань всегда рядом, что даже не осознавал опасности. Выпрямив шею, он прохрипел:

— Если Се Сюань осмелится убить отца, кисть историков не пощадит его, а народ Поднебесной никогда не признает его власти!

Се Сюань тут же легко рассмеялся:

— Отцеубийство недопустимо, но убийство брата ведь не должно стать помехой?

Едва слова сорвались с губ, как тяжелая сабля, которую он до этого волочил по полу, в следующее мгновение оказалась приставлена к горлу Се Хуаня. Возможно, из-за нехватки опыта в обращении с клинком, Се Сюань не рассчитал силу — в тот момент, когда лезвие коснулось кожи, тут же выступила кровь.

Се Хуань вскрикнул от боли:

— Се Сюань, ты с ума сошел!

Император Цзяньчжао в ужасе закричал:

— Се Сюань, не смей!

Се Сюань склонил голову набок. Его лицо светилось невинностью ребенка, но взгляд был как у кровожадного демона:

— Раз уж дело дошло до этого, на что я, по-вашему, не посмею пойти?

В этот момент наложница Лу лениво взглянула на императора и негромко произнесла:

— К слову сказать, когда я сегодня проходила мимо павильона Цинъю, оттуда внезапно выскочила дерзкая рабыня и оскорбила меня. Я уже приказала схватить её и распоряжусь немедленно казнить.

Император вздрогнул, его глаза налились кровью. Он яростно уставился на благородную наложницу Лу и прорычал:

— Тварь! Что ты сделала с Ли-эр?!

Он думал, что самое опасное место — самое безопасное, поэтому заранее приказал тайной страже спрятать наложницу Ли в холодном дворце. Он и не подозревал, что эта парочка — мать и сын — давно всё обнаружили. Это наверняка Гу Сююань; он пронюхал и доложил им.

Благородная наложница Лу изящно вскинула брови с невинным видом:

— Какая еще Ли-эр? Ваше Величество сами недавно изволили говорить, что наложница Ли слаба здоровьем и не покидает дворец Фэйхун. Та же служанка была полна сил и красоты, разве что вела себя безумно и не знала границ дозволенного. Неужели я, как благородная наложница и наполовину хозяйка внутреннего дворца, не имею права наказать сумасшедшую служанку из холодного дворца? Неужели это стоит такого гнева?

Император Цзяньчжао лишь продолжал осыпать её проклятиями:

— Тварь! Тварь! Если ты тронешь Ли-эр, я заберу твою жизнь!

Слыша это и глядя на поведение государя, министры поняли всё окончательно. Император действительно силой овладел наложницей брата, да еще и сделал ей ребенка меньше чем через два месяца после его смерти — верх бесчестия и предательства родной крови.

Несколько старых и прямолинейных цензоров тут же поднялись со своих мест:

— Подобные деяния Вашего Величества — посмешище для всей Поднебесной! Как после этого вы собираетесь наставлять народ? Мы также просим Ваше Величество отречься в пользу достойного!

Вслед за ними, переглянувшись, на колени опустились и остальные гражданские и военные чины:

— Смиренные подданные просят Ваше Величество отречься в пользу достойного!

Се Сюань издал короткий, полный торжества смешок. Посмотрев на императора Цзяньчжао, он искренне посоветовал:

— Отец, не нужно больше безумствовать. Ради себя, ради вашей любимой женщины и любимого сына вам стоит покориться обстоятельствам. Издайте указ о передаче престола!

Император Цзяньчжао прислонился к спинке трона и замолчал. Се Хуань вмиг осунулся. Он понимал, что его отец дрогнул.

Вся его жизнь была определена матерью: благодаря ей он возвысился, из-за неё же и пал. Если бы мать не была схвачена, отец, при его характере, не сдался бы так быстро.

Прошло немало времени, и в зале Вэньхуа воцарилась тишина. Гвардейцы снаружи уносили тела погибших. Слуги без устали окропляли полы водой, смывая кровь. Все чины уже покинули дворец — весть об указе, назначающем Се Сюаня наследником, скоро разлетится по всему свету.

Гу Сьюань поднял руку и коснулся щеки Се Сюаня:

— Когда это ты успел запачкаться кровью?

Се Сюань прильнул щекой к его ладони и весело спросил:

— Твое желание вот-вот исполнится, ты рад?

Гу Сьюань бросил на него короткий взгляд:

— Чье желание?

Се Сюань высунул кончик языка и слегка лизнул его ладонь:

— Желание генерала, конечно. Разве генерал не говорил давным-давно, что хочет «попробовать» прямо в Золотом зале?

Гу Сьюань: «...»

«А об этом ты, оказывается, помнишь всегда».

—

<http://bllate.org/book/14483/1281635>